

Сплетни и факты (Правда о синдикалистах)

1917, 18 ноября / 1 декабря. «Голос Труда», № 19.

Социал-демократы и некоторые другие наши противники пробегают иногда на митингах и в печати, — к очень некрасивому, нечестному и неумному приему борьбы с нами! Пользуясь неосведомленностью слушателей или читателей, они, — с целью посрамить и уничтожить анархо-синдикалистов, искажают одни факты, умалчивают от других, лгут о третьих...

Между прочим, из уст социал-демократов и других противников анархо-синдикализма мне зачастую приходится слышать следующие категорические заявления: „Синдикализм во Франции с треском провалился. Синдикализм потерпел полный крах. — Синдикалисты все изменили и оказались „патриотами“. — Синдикализм сам похоронил себя, превратившись в „синдикал-патриотизм“.—Синдикалисты очутились в лагере националистов и оборонцев — Синдикалисты за время войны, ни разу не отмежевались от националистов: они объединились с буржуазией... Вот куда ведет синдикализм...“, и т. д., и т. д. При этом неизменно упоминаются, конечно, имена Жуо (секретаря Всеоб. Конф. Тоуда) и еще двух-трех, действительно изменивших, деятелей французского синдикализма. Перечисляются и некоторые синдикальные организации, ставшие на оборонческую точку зрения. И, — вероятно, "по недосмотру" забываются имена не изменивших интернационализму деятелей и организаций.

Мы, как известно, — не французские (так называемые „чистые“) „синдикалисты“. Мы — анархо-синдикалисты (что далеко не одно и то же). Я отнюдь не собираюсь, поэтому выступать пространно в защиту французского синдикализма и давать подробные разъяснения относительно того как, кто и почему в лагере франц. синдикалистов стал на патриотическую, националистскую и оборонческую точку зрения. Я не буду много говорить о том, что во Франции, в силу особых условий, о которых можно было бы сказать очень многое, все течения и почти все организации „дрогнули" и потеряли равновесие в первые месяцы войны: дрогнула и отступила социал-демократическая партия; дрогнули синдикальные организации; дрогнули даже очень и очень многие из французских анархистов. Я не стану входить в подробное обсуждение причин и характерных особенностей этого печального и почти всеобщего во Франции явления.

Но, как человек, проживший в Париже первые 2 года войны и принимавший близкое участие в борьбе французских интернационалистов против националистического угара; как человек, проехавший, осенью 1916 г., по французской провинции и близко стоявший к синдикалистскому движению — я должен привести здесь, кратко и сухо, несколько голых фактов и цифр. Пусть читатель сам подумает над ними и оценит по достоинству те нечестные, демагогические выпады, которые часто делаются против нас на почве отношения французских синдикалистов к войне.

Как я уже сказал, в начале войны — во Франции дрогнули, заколебались отступили и притихли все течения и почти все организации. Первые месяцы войны протекли в невыносимо тяжелой, удушливой атмосфере бесшабашного, наглого военно-патриотического разгула, с одной стороны, — всеобщего гробового молчания, всеобщей пришибленности, массовой измены, лжи и растерянности, с другой. Это была, по истине, „мерзость запустения...“ Среди бешеного, бесстыдного, отвратительного завывания патриотической печати и улицы, не было слышно ни одного голоса правды, отрезвления и революционной бодрости. Расстроенные рабочие ряды, разбитые войной и реакцией организации, придушенная революционная печать — все, все замерло, сжалось и молчало, как бы внезапно скованное беспробудным сном. Вся рабочая и революционная Франция превратилась в пустыню...

Кто же первый осмелился нарушить молчание? Кто первый отрезвился от кошмара и ужаса осенних месяцев? Из чьих рядов прозвучал первый громкий голос интернационализма, первый мужественный призыв к борьбе с войной, с патриотическим угаром, с вакханалией национализма, взаимоистребления и отступничества?

Этот голос — открытый и ясный — раздался из синдикалистских рядов.

В декабре 1914 года, — в то время, когда все кругом молчало, погрязнув в болоте патриотизма или малодушия, — во Франции распространено было, в громадном количестве экземпляров, открытое письмо известного синдикалиста Пьера Монатт, делегата во Всеобщ. Конф. Груда от департаментов (губерний) Гард и Роны. В своем письме, Монатт смело и резко восставал против националистского угара, отравившего большинство организаций и людей. Он открыто порывал с патриотствующими элементами и публично слагал с себя обязанности делегата.

Правительство «свободной» Франции ответило тем, что призвало Монатта в армию. Но, письмо его произвело в рабочей среде и в организациях огромное впечатление; оно разрядило атмосферу. Необходимый почин был сделан. Выступление Монатта послужило тем камнем, который будучи брошен, всколыхнул застоявшееся болото. Люди зашевелились. Началось „движение воды“. Круги от брошенного камня пошли во все стороны, все шире и шире...

Первыми откликнулись активно на выступление Монатта, опять-таки, синдикалистские ряды, в лице некоторых крупнейших организаций.

Уже из текста письма Монатта видно, что „федерация металлистов" (одна из крупнейших и важнейших) стояла целиком на его стороне.

После его выступления, федерация металлистов, федерация землекопов (тоже одна из крупнейших), федерация бочаров и некоторые другие, менее крупные организации приступили к энергичной интернационалистской работе. Секретарь федерации металлистов, известный Мерейм, стал душой этого движения. Рука об руку с секретарем Федерации бочаров, Бурдероном, и с целым рядом других синдикалистов, повел он решительную пропаганду, борьбу и организационную работу против войны. Любопытно отметить, что Бурдерон, будучи членом синдиката бочаров, состоял одновременно и членом с. д. партии, (это довольно часто бывает во Франции). Но, свою интернационалистскую деятельность он повел в рядах синдикалистов, так как партия была мертва, и там не с кем было работать.

К концу первого года войны — имеются уже налицо результаты работы. Появляются яркие признаки начавшегося повсюду пробуждения и отрезвления. Начинается массовое интернационалистское движение. И сказывается оно тоже, прежде всего, в синдикалистских организациях.

15-го августа 1915 г., в Париже созывается синдикалистская „Национальная Конференция корпоративных федераций Союзов, Синдикатов И Бирж Труда". (Это была первая публичная конференция во Франции, со времени войны. Правительство не решилось запретить ее, опасаясь скандала).

На конференции, из числа 114-ти решающих голосов, 30 стоят на интернационалистской позиции.

После Конференции, брожение перебрасывается в с.-д. партию и в анархические группы (из которых тоже далеко не все стояли на точке зрения интернационализма).

В это же время, начинается усиленная подготовка к 1-й Циммервальдской Конференции, причем, в первых рядах работников по организации Конференции стоят синдикалисты: Мерейм, Бурдерон, Гасфельд (анархо-синдикалист) и мн. др.

Синдикалисты же, главным образом, приступают в Париже, после Циммервальдской конференции, к энергичной организации так называемого „Комитета интернационального действия", задачами которого были: организационное объединение интернационалистского движения во Франции и усиленная пропаганда идей интернационализма.

Сорганизовавшись, „Комитет" широко распространил печатное воззвание, с призывом вступать в него и бороться, в его рядах, против окружающего ужаса. Он образовался на началах беспартийного объединения всех интернационалистов. Призыв встретил сочувствие и отклик. Впоследствии, в состав Комитета входило: 60% синдикалистов, 30% социалистов и 10% анархистов.

„Комитет" выделил из своей среды исполнительную комиссию из 12 человек и быстро развил, — не только в самом Париже, но и по стране, — энергичную пропагандистскую и организационную деятельность против войны, против милитаризма, национализма и патриотизма, за мир, Революцию и Интернационал.

Правительство не решалось тронуть „Комитет": оно не желало лишнего шума и разговоров. Оно ограничивалось "наблюдением" и тем, что всячески старалось расстроить связи „Комитета" с провинцией, старалось изолировать „Комитет". (Арестовывало работников в провинции, закрывало провинциальные отделы „Комитета", заставляло фабрикантов рассчитывать членов „К-та" с заводов и т. п.). Таким образом, „Комитет", как сорганизовался, так и существовал и работал явочным, полулегальным порядком. (Не раз, в Париже ходили слухи, будто Правительство решило разогнать „Комитет". Буржуазная и лжесоциалистическая, оборонческая печать неоднократно, с пеной у рта, требовала „решительных мер" и упрекала правительство в слабости).

Секретарем и деятельнейшим членом „Комитета" был секретарь федерации металлистов, уже упомянутый мною синдикалист Мерейм. Целый ряд деятелей-синдикалистов вели в „Комитете" активную, ответственную работу.

Орган Федерации Металлистов (синдикалистский „Союз Металлистов") стал официальным органом „Комитета". Причем, каждый номер этого журнала выпускался в нескольких первых тысячах экземпляров (минуя военный закон) без предварительной цензуры. (Правительство и на это смотрело сквозь пальцы). Эти первые тысячи рассылались, главным образом, по организациям.

За первые же месяцы своего существования, „Комитет" развил энергичную пропагандистскую деятельность. Им издан был целый ряд интернационалистских брошюр, листовок, воззваний, документов и пр., широко расходившихся по стране.

В провинциальных синдикалистских организациях „Комитет" организовывал, по мере возможности, свои отделы.

Впоследствии, и в Париже, и в провинции стали издаваться ежедневные и еженедельные органы синдикалистов-интернационалистов.

Отмечу здесь же, что общий дух, общий „уклон" работы „Комитета" был именно синдикалистским. Состоя членом „Комитета" я несколько раз был свидетелем того, как вопросы решались в чисто синдикалистском смысле. Не один раз также „Комитет" энергично отвергал всякую попытку направить его работу в русло парламентаризма, или внести в него дух партийности.

Осенью 1916 г., по постановлению министра внутр. дел (г. Мальви), я должен был быть арестован и заключен, впредь до окончания „освободительной" войны, в „лагерь", за мою

анархическую, революционную и антимилитаристскую деятельность. Я скрылся из Парижа и, после двух месяцев невероятных мытарств, бежал в Америку. Я продолжал однако, внимательно следить за ростом интернационалистского течения среди французских синдикалистов. Из отчетов последующих конференций, из газет и других печатных материалов я видел, что течение это неуклонно крепнет, нарастает, развивается, несмотря на всевозможные гонения и репрессии.

Из напечатанной недавно (в „Правде“, под заглавием „Синдикализм во Франции“) статьи Анри Гильбо видно, что, за последнее время, точка зрения классовой интернационалистской борьбы усвоена уже громадным большинством синдикалистских организаций и деятелей.

Гильбо заканчивает свою статью (снабженную точными цифровыми данными) очень характерным признанием:

“ Война — говорит он, — не положила конец разладу между синдикализмом и социализмом. И лишь путем сконструирования (образования), социалистической партии, стоящей на циммервальдской позиции, признающей основным принципом классовую борьбу при всяких условиях и обстоятельствах, — с последовательно-революционной программой, — лишь таким путем возможно устранение антагонизма (вражды) между синдикализмом и социализмом.

(Разбивка моя. В. О.).

Уже из этих слов совершенно ясно, что, в деле классовой, революционной и интернационалистской борьбы, социализм во Франции далеко отстал от синдикализма.

Если же мы обратимся к протоколам социалистических (партийных) конференций, то документы и цифры скажут нам следующее.

Во-первых, франц. социалист, партия (с.-д.) лишь с большим трудом, с большой неохотой „ раскачалась“ и приступила к устройству своих конференций (и то— под энергичным давлением низов). Так, первая партийная конференция с.-д. имела место в Париже лишь накануне 18-го месяца войны (25-го дек. 1915 г.), то есть, в то время, когда в синдикалистских рядах вопрос об интернационализме был уже давно поставлен ребром, и борьба двух течений — оборонческого и интернационалистского — развертывалась широко и ясно.

Во вторых, на партийных конференциях (и в рядах социалист, партии вообще) — интернационалистское и революционно-классовое течение бывало каждый раз представлено столь ничтожным количеством голосов и выражалось так робко, что о нем не стоило бы даже упоминать.

Французская социал-демократия находилась, за все время войны, в состоянии полного паралича. Она влачила самое жалкое существование, плетясь на задворках рабочего движения и играя самую несчастную роль в борьбе за интернационализм. Она,

действительно, не выдвинула в этой борьбе почти ни одного имени, почти ни одного решительного, последовательного, сильного деятеля... К сказанному необходимо добавить, что, в то время, как в синдикалистских рядах идея интернационализма:, борьба и число борцов непрерывно нарастали, — в рядах социалистической партии не было, в этом отношении, ни малейшего движения вперед. Конгресс за конгрессом обнаруживали лишь полное убожество духа, мысли и сил партии, которая, вплоть до последних дней, так и оставалась в хвосте движения.

Вот почему, когда наши отечественные партийные деятели, будучи полными невеждами в области французского рабочего движения, или же сознательно обманывая людей, с великим апломбом и не без доли простого нахальства, заявляют, в печати и с трибуны, что-де „французский синдикализм обанкротился“, то им следует ответить русской поговоркой: „Чья бы коровушка мычала...“

Упомяну еще и о том, что, в силу целого ряда условий, французские анархисты тоже не смогли сколько-нибудь заметно возвысить свой голос, пока этого не сделали синдикалисты. Синдикалисты и анархо-синдикалисты помогли, в этом отношении, анархическим группам. Сомнения, колебания и бессилие тех анархических групп во Франции, которые, будучи замкнуты в самих себе, оставались оторванными от низов, от живых народных масс и от массовых организаций, — эти сомнения, колебания и это бессилие кончились только после того, как синдикалистские организации подняли свой громкий голос. Интернационализм в синдикалистских рядах дал решительный толчок анархическим группам и побудил их к (тоже весьма запоздалым и, вначале, очень робким) заявлениям и выступлениям в печати.

Если нам постоянно кричат о Жуо и еще о двух-трех, изменивших классовую борьбу и интернационализму, синдикалистах, то мы можем, в ответ, назвать имена Мерейма, Бурдерона, Гасфельда, Ифго, Перика, Брутшу и еще доброго десятка других, оставшихся верными своему знамени, видных французских синдикалистов и анархо синдикалистов.

И если невежды или лжецы заявляют нам, что во Франции *„синдикализм обанкротился, ни разу не отмежевал себя от национализма, объединился с буржуазией, оказался синдикал-патриотизмом“*, и пр., и пр., — то мы, с полным сознанием неоспоримости нашего утверждения, говорим: единственной крупной и яркой интернационалистской силой во Франции, — силой, которая, в годину войны и массового отступничества, выдвинула, отстояла и укрепила там идею интернационализма, вынесла на своих плечах интернационалистскую борьбу и, по выражению одного из французских общественных деятелей, „спасла во Франции социализм“, — единственной такой силой оказался во Франции синдикализм.

Моя статья хотя и чересчур затянулась, но она была бы неполной, если бы, в заключение, я не остановился еще на двух фактах.

Во время моих двухмесячных скитаний по французской провинции, осенью 1916 г., в качестве нелегального, скрывающегося беглеца, в цепях организации очень трудного, в то время, для анархиста побега в Америку (анархистам других стран легальный въезд в Америку закрыт) — я близко соприкасался со множеством синдикалистов: они скрывали меня; давали мне приют и стол; помогли, наконец, моему побегу... И я имел случай убедиться своими глазами в том, что провинциальные синдикалистские организации были пропитаны духом интернационализма: синдикаты металлистов, техников-строителей, моряков торгового флота и др. имели уже тогда в своих рядах значительное количество интернационалистов.

Анри Гильбо как нельзя лучше подтверждает это и разрушает „сплетни" о французских синдикалистах, когда сообщает в своей статье, что, при последней анкете, из 3208 синдикалистских голосов, принцип классовой борьбы был признан 3189 голосами; только 19 требовали смягчения классовой борьбы, и ни один голос не был подан за сотрудничество классов.

Вот как французские синдикалисты „объединились с буржуазией" и „изменили борьбе“!..

Второй факт, о котором я считаю необходимым упомянуть, состоит в том что — как это было сообщено недавно газетами, — синдикалисты в Америке (там они называются „индустриалистами") не только все как один человек, повели самую решительную борьбу против войны и за интернационализм, но и жестоко поплатились в этой борьбе. Синдикалистское движение, в данный момент, совершенно задушено „демократическим" правительством "свободной Америки". Большое число индустриалистов арестовано. Многие убиты и искалечены при самосудах и стычках с полицией. Организации разгромлены и закрыты. Печать запрещена. Устные выступления тоже...

Я скажу чтобы закончить: искажение и ложь со стороны многих наших противников по отношению к синдикалистам и синдикализму — налицо. Не думает ли читатель, что необходимость прибегать, в борьбе с нами, к столь жалкому оружию — невольно заставляет предполагать отсутствие у этих противников другого, более сильного оружия и очень плохо рекомендует защищаемую им и «истину»?

Версия #3

Зверобой создал 11 мая 2026 08:45:09

Зверобой обновил 11 мая 2026 08:50:22